18+

Леонид Шлангман

Легенда о Святом Истукане и другие истории

Леонид Александрович Шлангман

Легенда о Святом Истукане и другие истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21199465
ISBN 9785447406936

Аннотация

Титульное произведение – фантазия на тему происхождения праздника Дня Святого Валентина, отмечаемого ежегодно католическим миром 14 февраля. Это – история любви, раскаяния и самопожертвования в декорациях Римской Империи. В авторский сборник также вошли несколько стихотворений, шуток, иллюстраций и коротких историй разных жанров. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Легенда о Святом Истукане 5
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Легенда о Святом Истукане и другие истории

Леонид Александрович Шлангман

© Леонид Александрович Шлангман, 2016

ISBN 978-5-4474-0693-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Легенда о Святом Истукане

Друзьям…

Это случилось давным-давно в сокрытом для нас историческом прошлом…

В Риме, настолько Древнем, насколько нам позволено его таковым считать, жил молодой врач по имени Валентин. Жил он себе, здравствовал, в меру своих знаний и умений врачевал, имел умеренные политические взгляды, восхвалял Цезаря трижды перед сном и дважды после обеда, в общем, ничем не отличался от доброй сотни других таких же законопослушных римлян. И так бы и жил он, и занимался бы любимым делом, если бы не произошло то, что произошло. А произошло следующее…

В одну из тёмных непроглядных ночей спящему лекарю послышался стук в дверь его неприглядного каменного жилища. Вскочив с постели, которая представляла собой примятую с боков охапку добротного римского сена, Валентин подбежал к двери. Посмотрев сквозь щель между креплениями дверь держащими и не увидев ничего кроме полнейшего мрака, лекарь, приоткрыв дверь ровно на ребро ладони, просунул в образовавшееся отверстие руку. Упёршись предварительно вытянутым указательным пальцем оказавшейся снаружи руки в нечто неровное, холодное и жёсткое, Вален-

тин отдёрнул руку, захлопнул дверь и, заикаясь, спросил:

– Кт-то там?

– Принцип[1] Десятого Имперского Легиона Квинт Цецилий Целиал, откройте дверь, иначе я вынесу её во имя Марса!

– Д-да, да, конечно, сейчас, я только накину свои выходные одеяния, чтобы принять тебя как полагает, пресветлый сын Цецилия.

«Что же делать? – нервно почёсывая свои вмиг поседевшие волосы, думал Валентин. – Откуда взялся этот легионер, и чего ему от меня надо?»

Сосредоточившись на главном, а именно на единственно правильной мысли, пришедшей ему в голову о том, что надо сохранять спокойствие, и, глядишь, боги уберегут его от неприятностей, Валентин покрепче подвязал поясом из мягкой ткани свою спальную тунику и открыл дверь.

Сквозь открытый дверной проём на порог унылого жилища лекаря взошёл человек, облачённый в бронзовый шлем, кольчугу и калиги, чей скрип подбитых гвоздями подошв при ходьбе, нарушал мирскую тишину уединённого обиталища. В левой руке вошедшего был щит, а правая рука покоилась на рукояти гладиуса, сокрытого в ножнах, что уже было достаточно благоприятным знамением для Валентина.

---

[1] Принципы – в армии Древнего Рима – воины второй линии тяжёлой пехоты римского легиона в IV – II вв. до н. э. Состояли из мужчин в возрасте до 40 лет, уже побывавших в боях.

«Нечасто увидишь живьём принципа, вот так вот, да ещё и у себя дома… Хорошо хоть, что без пилума[2] явился, да и меч в ножнах…» – подумал Валентин, внимательно осматривая мощную фигуру незваного гостя.

– Ave atque vale![3] – вошедший человек приложил правую руку, сжатую в кулак, к груди в знак приветствия и замер, глядя в глаза Валентину.

– Ave atque vale! – вторил ему лекарь, замерший в аналогичной позе.

Спустя какое-то время, казалось бы, беспрерывных гляделок глаза в глаза, Валентин сдался, опустив руку от груди вниз, и затем сделав великодушный жест, приглашающий к более удобному размещению гостя, в сторону стола, стоящего посреди комнаты:

– Прошу, тебя, сын Цецилия, тебе рады в этом доме, не стоит стоять на пороге.

– Благодарю, – легионер учтиво поклонился и, опустив руку на рукоять гладиуса, мерно покачивающегося в ножнах на обязательном для состоящего на действительной службе воина ремне, остался стоять на месте.

Не обращая внимания на нерешительного, как ему показалось, гостя, лекарь приблизился к стоящей на полу подле стола двадцатишестилитровой амфоре, наполненной больше

---

[2] Пилум – метательное орудие, состоявшее на вооружении легионов Древнего Рима.

[3] (лат.) Живи и здравствуй!

чем на половину разбавленным по всем канонам существовавшей в Риме культуры пития вином. Посмотрев по сторонам и отыскав два пустых в меру чистых кубка, он взял один и зачерпнул им мутноватой жидкости, наполнив сосуд до краёв, после чего поставил его на стол, мельком взглянув на легионера, продолжавшего стоять на месте.

– Не изволит ли храбрый принцип устроиться так, как того полагает его право высокого гостя? – обратился Валентин к легионеру, начиная наполнять второй кубок, – Или кубок вина, выпитый с человеком невоенной профессии оскорбителен для твоего достопочтенного рода?

– Нет, – односложно ответил принцип, произведя боевую выправку, подняв спустившийся чуть ниже положенного уровня щит на место. После чего, глядя немного вверх прямо перед собой, он продолжил:

– Мой любезный друг, не считай себя недостойным моего внимания. Причина моей невежливости вовсе не в том, что я – воин, а ты – нет, а в том, – покосившись в сторону лекаря, Квинт Цецилий сделал многозначительную паузу, – что я – не один.

Чего-чего, а уж такого поворота событий Валентин ну никак не ожидал. От неожиданности руки его задрожали, и вино мелким дождём принялось орошать несуществующие побеги на полу его жилища.

«Что же это? Посреди ночи ко мне буквально под угрозой смерти вламывается действующий имперский легионер,

да ещё и не один! Кого ещё с ним ниспослали мне боги? Неужели целую центурию таких же как он, а может быть две? Целых две центурии! Но две центурии – это уже манипула[4], а манипула – это ж сколько? – тревожно покусывая нижнюю губу, лекарь думал, прикидывая в уме состав численности виденных им ранее легионов. – В лучшем случае голов шестьдесят-восемьдесят, в худшем – около ста двадцати! Столько вина у меня даже в скрытых запасах нет… А если они разозлятся, а если они начнут крушить всё вокруг? А что, если они дорвутся до чудодейственных трав, затмевающих любой недуг своей несокрушимой силой? А может, они все пришли за мной? Может, их послал Публий Корнеллий, чтобы они содрали с меня шкуру за некачественный товар, что я ему всучил в момент нашей последней встречи… Но почему же они не нападают? Наверное, этот нерешительный муж всего лишь разведчик. Может, поэтому в его руках нет пилума, может в его обязанности вовсе не входит меня убивать? Неужели они решили, что я настолько силён, что могу справиться с целой манипулой Имперского Легиона? Что задумали эти воины, поглоти их разрушительный огонь Вулкана[5]!»

В то время как обеспокоенный происходящим Валентин

---

[4] Мани́пула – основное тактическое подразделение легиона, каждое из которых первоначально делилось на 2 центурии.

[5] Вулкан, бог огня и покровитель кузнечного ремесла в древнеримской мифологии.

размышлял на тему, кто пришёл с принципом и что ему, бедному лекарю, теперь делать, Квинт Цецилий повернулся к двери, открыл её и произнёс, глядя в ночную пустоту:

– Можно заходить.

Завидев в действиях принципа самый злой умысел, который только можно было себе представить, Валентин отбросил кубок с частично расплескавшимся вином в сторону и встал на колени, сложив руки в христианском молебном жесте:

– Пощади, почтенный гражданин Рима! – закричал он, глядя на безмолвного принципа, от чего-то сменившего выражение лица с полного беспристрастия на безмерное удивление.

Ещё большее удивление образовалось на лице самого просящего о пощаде, когда сквозь дверной проём буквально просочилась хрупкая фигурка закутанной в паллу[6] римлянки, прижавшейся к телу принципа и с какой-то подозрительной надеждой во взгляде смотревшей на всё ещё стоящего на коленях лекаря.

– Что ты делаешь, мой друг? – недоумённо вопросил Квинт Цецилий. – Почему ты молишь меня о пощаде? Разве могу я обидеть человека, впустившего меня на порог дома своего в столь поздний час? Я – сын Римской Империи и своего высокочтимого отца говорю тебе, что пришёл не ра-

[6] Палла – женское одеяние римлян, длинная широкая шаль, в которую можно совершенно закутаться.

ди убийства или иного злодеяния! Подымись с колен, и выпьем по кубку в знак взаимопонимания!

Вскочив с колен, Валентин принялся судорожно лепетать:

– П-прости меня, Квинт, за то, что усомнился в чести Имперского Легионера. Славься, мощь Римской империи! Ave Caesar! – лекарь придвинул кулак правой руки к своей груди, а затем выкинул её вперёд и вверх, раскрыв ладонь.

– Ave Caesar! – громогласно повторил принцип и сделал тот же жест, что и Валентин.

Подняв брошенный им ранее кубок, теперь уже по воле злого рока почти пустой, Валентин во второй раз наполнил его вином и поставил на стол. Квинт одобрительно кивнул и подошёл к столу, протянул руку к одному из кубков и, взяв его, придвинул ближе к себе.

Валентин всё ещё с некоторым беспокойством смотрел на легионера и на его спутницу, ибо ощущение какой-то скрытой от его ушей недосказанности всё ещё витало в воздухе. И, как это, видимо было угодно богам, беспокойство беспричинным не было.

На глазах у изумлённого Валентина Квинт Цецилий схватил второй из кубков и передал его своей спутнице, так же подошедшей к столу, после чего, взглянув на застывшего в изумлении лекаря, спросил:

– Отчего же ты не наполняешь кубок и для себя, святой отец?

Валентин поначалу даже и не понял, что действитель-

но смутило его в этой щекотливой ситуации. Воспитанный в лучших традициях своих давно усопших предков, он и помыслить не мог, что благородный гражданин посмеет одобрить поглощение женщиной вина наравне с мужчинами, тем более за одним с ними столом. Это просто не укладывалось в голове добропорядочного лекаря.

«Дожили! Сейчас они меняют полностью устои гражданского общества, а завтра… Что будет завтра? Куда катится Рим?» – думал Валентин, нагнувшись за третьим кубком, стоящим на полу.

В процессе наполнения кубка вином лекаря внезапно прошиб озноб. Он снова и снова воспроизводил в памяти услышанную от легионера фразу и одна её малая часть, отчаянно врезавшаяся в разум бедного Валентина, не давала ему покоя. «Святой отец… – думал он. – Святой отец… Он назвал меня святым отцом… Почему? Неужели я так похож на этих христианских священников? Неужели я настолько стар и неповоротлив, чтобы меня таковым считали?» – кубок был наполнен, и лекарь повернулся к гостям.

– Святой отец! За нас, граждан Рима! – Квинт вскинул кубок высоко над головой и приложил его к губам, делая звучные большие глотки разгоняющего кровь напитка.

– За нас! – крикнул Валентин и сделал пару глотков.

Спутница легионера к вину не притронулась.

«Хвала богам! Она не пьёт!» – радостно подумал Валентин.

– Святой отец… – начал говорить Квинт.

– Я прошу простить меня, принцип, но я не понимаю, почему ты называешь меня святым отцом… Я – лекарь, я пользуюсь травяными растворами, дабы подавлять волю различных хворей, что ныне в избытке витают по улицам нашей Империи… – Валентин вздрогнул, увидев устремлённый в него сверлящий взгляд легионера, но продолжил. – Если вам нужен священник, то, боюсь, вы не найдёте ни одного из этих христианских служителей, во всей округе. Здесь им никогда не были рады…

– Значит ты, мой седовласый друг, впустивший на порог совершенно не знакомых людей, и вставший перед ними на колени, в молебном жесте сомкнув свои персты, и угостивший их добротным многолетней выдержки вином, утверждаешь, что являешься обычным лекарем? Что ж, я всё понимаю… Причём гораздо больше, чем кто-либо другой на моём месте… Ведь, если бы Император не издал свой указ о запрете ритуала скрепления воинов узами брака с любимыми ими женщинами, то не пришёл бы я к тебе с дочерью почтенного Юлия Красса, любовью всей моей жизни, Ливией, и не просил бы нас обвенчать…

Валентину внезапно стало дурно. Он опёрся руками о стол, склонился над ним и увидел своё отражение в кубке с вином.

«Я действительно бел…» – подумал он и, не осмелившись поднять глаза на говорящего, слушал его, внимая каждому

слову.

– Мы не раскроем твою тайну, святой отец, слово принципа Десятого Легиона! Обвенчай нас по всем правилам вашего христианского обычая, и я никогда не забуду твоего славного имени, назвав сына своего в твою честь! – Квинт поднял кубок и осушил его за раз, после чего сделал очень задумчивое выражение лица. – Хм… А как твоё имя, святой отец?

– А? – переспросил лекарь, прекрасно слыша вопрос. – Валентин…

«Надо что-то делать, – думал он, перебирая в голове все возможные варианты. – Можно настаивать на своей непричастности к христианскому культу, но вряд ли это поможет, этот юнец мнит себя всезнающим богом, что за вздор? Если я встал на колени и просил о пощаде, это ещё ничего не значит и не объясняет! И когда я успел поседеть?! Безумная, безумная, безумная ночь! Если я увижу сегодня лучи восходящего солнца, то я впервые после своего рождения буду чувствовать себя по-настоящему живым!»

Пока Валентин предавался спешным размышлениям о своей незавидной судьбе, Квинт о чём-то шептался со спутницей.

«Ладно… А что, если я проведу церемонию заключения брака, после чего выпровожу их из дома и заживу своей спокойной обыденной жизнью? Учитывая то, что они не могут отличить священника от лекаря, а лекаря от священника, то они разбираются в христианстве не больше меня, значит я,

не зная всей процедуры совершения обряда, смогу просто признать их мужем и женой и отпустить на добром слове восвояси… Да, так и надо сделать!» – Валентин посмотрел на гостей и произнёс вслух:

– Я согласен…. Согласен вас обвенчать… Вы должны встать в круг…

– В круг, святой отец? Но нас же двое…

– Да, ты прав, мой друг…

Валентин задумался: «И с чего я сказал такую глупость?»

– В круг вставать не надо. Повернитесь друг к другу лицами…

Квинт повернулся лицом к Ливии, а Ливия, в свою очередь, лицом к Квинту.

– Объявляю вас мужем и женой! – крикнул Валентин, и расплылся в довольной улыбке.

Возлюбленные одновременно уставились в лицо счастливого лекаря.

Улыбка Валентина медленно, но верно, стала улетучиваться.

– И всё? – спросил внезапно оробевшим голосом принцип.

– В-общем, да, – сказал Валентин и начал прикидывать в уме возможный план бегства.

– А как же крест? – впервые подала голос Ливия.

– Какой крест? – спросил Валентин и тут же осёкся, – Ах, да! Крест… Ну, крест… Указом Императора все кресты изъ-

яты! Поэтому без креста…

– Любимый, я хочу с крестом, – умоляюще воззрилась Ливия на Квинта.

– Святой отец, я прошу тебя, как гражданин гражданина, сделай всё как надо, с крестом и всем остальным, что там ещё нужно!

– Больше ничего не нужно! – резко отрезал Валентин и двинулся к двери в погреб: «Испепели их молния, этих влюблённых!»

– Кольца! Кольца ещё нужны! – вслед удаляющемуся Валентину успела крикнуть Ливия.

– Женщина! – буркнул Валентин, скрываясь в дверном проёме.

Погреб Валентина был полон всякого хлама: здесь можно было с лёгкостью обнаружить всё что угодно, кроме того, что действительно ищешь и в чём непомерно нуждаешься. Не первый раз Валентин проклинал свою небрежность, но ничего с этим не мог поделать, ибо всегда, начиная наводить порядок, он непременно отвлекался на какое-то более интересное занятие и с радостью бросал весьма утомительное дело. Однажды Валентину пришлось искать листья алоэ среди сосудов с муравьиным ядом, на это лёгкое по всем меркам поисковых работ занятие у него ушёл целый день. Оказалось, что листьев там попросту не было, весь запас давно иссох и рассыпался, после чего старательно был втоптан в пол самим же Валентином в один из его заходов в погреб.

Но на этот раз Валентину предстояла куда более сложная задача. Безусловно, искать крест в доме лекаря, специализирующегося на целебных свойствах кореньев и прочей животно-растительной нечисти – абсурд в чистом виде, и Валентин это прекрасно понимал, однако ничего иного ему не оставалось, как незамедлительно приступить к этим самым поискам.

«Нет… Всё это определённо очень плохо кончится… Ведь всё это уже было… Да… Всё это было… Незваные гости уже приносили людям несчастье… Три старца, завидев на небе новую звезду пришли к женщине и её новорождённому, дабы воздать тому хвалу…. И что было потом? Потом младенец вырос и его распяли!» – Валентин блуждал в полумраке, старательно обходя им же самим расставленные препятствия на случай разбоя или иного вида преступной деятельности, кои совершались в округе очень часто, но пока каким-то чудом миновали его стороной.

«Да, конечно, его имя теперь бессмертно и приравнено к имени божества… Но ведь он мёртв… Я не желаю вечной славы! Мне всего этого не нужно! Боги, услышьте меня! Какая звезда завела этих двух ко мне?» – Валентин споткнулся о валявшийся на полу кочан капусты и налетел на деревянный табурет, с треском расщепив его на пять частей.

– Ну, спасибо, – вслух сказал Валентин, медленно подымаясь с пола и вытаскивая щепку из окровавленной ладони. – Вот поэтому я и ненавижу богов! От них ждёшь сове-

та, мысленно молишься им, а в ответ они посылают тебе одни лишь страданья! Последние слова Валентин сопроводил гневным жестом в виде указующего перста, вскинутого гордо вверх, туда, где был потолок.

Лекарь взглянул на то, что было когда-то табуретом, и его посетила гениальная мысль: «Две ножки образуют крест!»

– Хвала богам! – лицо Валентина буквально сияло от радости, а руки уже искали гвозди, которые должны были лежать справа от входа в одной из корзин с плодами бананового дерева.

Естественно гвоздей в корзине не нашлось, впрочем, как и инструмента, требуемого для их забивания, поэтому радостное безумие сменилось глубокой задумчивостью.

«Боги просто смеются надо мной! Они издеваются!»

– Тебе помочь, святой отец? Я слышал шум… – раздался голос принципа за дверью.

– Нет, нет… Почтенный Квинт… Не утруждай себя… Я скоро… – ответил Валентин, и некоторое время прислушивался, пока удаляющиеся шаги принципа вовсе не стихли.

Валентин настолько испугался самой только мысли о том, что легионер придёт ему на помощь, что поспешил скорее сделать крест, чего бы это ему не стоило.

Взяв две ножки бывшего табурета, он скрестил их на полу и наступил на перекрестие ногой, после чего развязал пояс на своей тунике, нагнулся и туго, насколько ему позволяла его сила, зафиксировал их в текущем состоянии.

«Ну, вот и славно,» – подумал Валентин, любуясь собственноручно сделанным крестом.

Взяв его в руки, он двинулся к выходу из погреба. Дойдя до последней ступеньки, отделявшей его от двери, Валентин внезапно ощутил чьё-то близкое присутствие, однако ничего предпринять уже не успел.

– Святой отец! – эти слова, произнесённые принципом, оказались последним услышанным звуком для Валентина перед тем, как тот, отлетев в глубину погреба под ударом двери, распахнувшейся ему навстречу, лишился чувств.

Прошло немало времени прежде, чем Валентин смог придти в себя.

– Святой отец! Как ты? – принцип обеспокоенно глядел на распластавшегося на груде вещей лекаря.

– Прекрасно… – Валентин был зол, зол на себя, на богов, на принципа, он был зол на весь мир, но что-то сдерживало его в интонациях. – Мой друг, ты не поможешь мне подняться?

– Конечно, святой отец, – Квинт Цецилий помог подняться Валентину на ноги. – Прости меня… Я решил, что помощь тебе всё же не помешает.

– Ничего… Спасибо, друг, – произнёс Валентин, глядя в стыдливо опущенные глаза принципа. – Мы можем идти.

– Позволь мне помочь тебе хоть в этом…

– Не надо. Я сам… – Валентин направился к выходу из погреба.

– Святой отец!

«Ну что ему ещё от меня надо?» – Валентин замер на одной из ступеней, ведущей к двери и, не оборачиваясь, спросил:

– Да?

– Твой крест…

Валентин развернулся, подошёл к принципу, взял у него из рук самодельный крест, сказал «спасибо» и вновь направился к двери.

«Всё… всё скоро кончится… уже недолго осталось,» – успокаивал себя Валентин, испытывая невообразимый зуд в области ягодиц.

– Встаньте лицом друг к другу, – скомандовал лекарь влюблённым, переминаясь с ноги на ногу в попытке заглушить всё усиливающиеся неприятные ощущения.

Квинт и Ливия смотрели друг другу в глаза.

– Властью, данной мне Богом… – Валентин поднял крест как можно выше над головой, держа его обеими руками, – объявляю вас мужем и женой!

Квинт, улыбаясь, смотрел на Ливию, а Ливия смотрела на Валентина, который к этому времени, будучи не в силах терпеть более зуд, правую руку завёл за себя, а левой продолжал держать крест над головой.

– Кольца, – шепнула Ливия Квинту, – он забыл про кольца…

Правая рука Валентина нащупала два предмета, впивши-

еся сквозь тунику в его нежную ягодичную кожу.

– Святой отец! Ты не забыл про кольца? – Квинт обратился к Валентину.

– Ай! – последовал ответ лекаря, удалившего из себя два инородных тела.

– Что? – переспросил Квинт, удивлённо наблюдая, за нелепой позой Валентина, поглаживающего зудящее место сокрытой позади себя рукой.

Валентин поднёс правую руку к глазам, разжал кулак и увидел две фибулы[7] с окровавленными иглами на раскрытой ладони.

– Квинт, подойди сюда. Колец я не нашёл… Но их можно заменить этим, – Валентин протянул правую руку с раскрытой ладонью подошедшему к нему принципу. – Носите фибулы в знак вашей любви, и будем считать, что обряд завершён.

Радостный Квинт схватил заколки, подбежал к Ливии и вложил ей в руку одну, а другую оставил себе.

Валентин положил крест на стол, взял кубок вина и молча осушил его, после чего обратился к Квинту:

– Я исполнил вашу просьбу. Ступайте с миром. Ave atque vale!

– Благодарю, святой отец, мы не забудем твоего имени, вот возьми, – Квинт Цецилий подошёл к столу, развязал

[7] Фибула – металлическая застёжка для одежды, одновременно служащая украшением.

неведомо откуда взявшийся мешочек и вывалил его содержимое перед Валентином. – Ave atque vale!

Принцип взял под руку Ливию и удалился, хлопнув за собой дверью.

В окно начинал пробиваться солнечный свет.

«Утро….» – подумал Валентин, его взгляд скользнул по монетам, оставленным благодарным воином, и коварная улыбка пробежала по его лицу.

Минуло полгода с тех пор, как Валентин провёл свой первый обряд венчания, волей случая переквалифицировавшись из простого лекаря в необыкновенно смелого священника, попирающего нормы римского права. За это время он уже разучился чему-либо удивляться, а потому не углядел ничего необычного в том, что на пороге его жилища внезапно появился ранее не встречавшийся ему гражданин пожилого возраста, и даже напротив, выступил инициатором общения.

– Добрый день, моё имя Валентин. Чем я могу тебе помочь, гражданин?

Вошедший в дом был чем-то взволнован и не спешил с ответом.

– Беспокоиться не о чем, мой друг. Проходи, – Валентин пригласил жестом незнакомца в глубину своего жилища.

– Нет… Я, пожалуй, постою здесь… – старик сделал паузу, – меня зовут Сервий Флавий, я странствующий торго-

вец…

– Торговец? Хм… Боюсь, я ни в чём не нуждаюсь.

– Нет-нет… Помощь нужна мне… – Сервий Флавий поспешил перейти сразу к делу. – Понимаешь… Я пришёл не один…

– А! – радостно воскликнул Валентин. – Ну тогда зови её скорее сюда! Чего ж ты ждёшь? Я сейчас приготовлю три полных кубка…

– Откуда тебе про неё известно? – изумлённый старик впился глазами в радостное лицо Валентина.

– Да ну мы ведь все под единым богом ходим… Ты – божий человек, я – божий человек… Какие между нами могут быть тайны? Ну, сам подумай… Зови её скорей! – Валентин направился к столу.

Торговец вышел на улицу, затем вернулся, держа за руку девушку:

– Проходи, Юлия…

Валентин успел наполнить два кубка вином и взглянул на вошедших, отметив про себя, что девушка ведёт себя как-то странно, ступая с закрытыми глазами и крепко держась за руку своего спутника, который, к слову сказать, годится ей больше в отцы, нежели в будущие мужья. «Ну ничего… И не таких венчал,» – подумал Валентин, и взялся за наполнение третьего кубка, за долгие месяцы кропотливого священнослужения он уже научился не обращать внимание на выпивающих женщин.

– Прошу вас к столу, друзья, – обратился Валентин к гостям. Он смотрел на девушку и не мог оторвать от неё глаз, несмотря на все странности в её поведении, она была молода и прекрасна и каким-то еле уловимым очарованием пленила его взор.

– Спасибо, Валентин, но я бы хотел сразу рассказать о причине нашего прихода к тебе…

– О, не стоит… Не утруждай себя, я всё понимаю… Скажи лучше, что вы предпочитаете: медь, серебро или…, – Валентин осёкся, смерил взглядом потрёпанные одеяния торговца, но всё-таки закончил фразу, – золото?

Торговец был явно в замешательстве, однако первым нарушил возникшую тишину:

– Извини меня, друг, но я слегка запутался в твоих изречениях, о каком золоте ты говоришь?

– Нет, это ты меня извини…, – Валентин корил себя за такой бестактный вопрос. – Кроме золота ведь есть варианты подешевле. Как я уже сказал, серебро и медь…

– Я не понимаю, Валентин. Я и моя дочь…

– Твоя дочь? – не то, чтобы Валентин был сильно удивлён, у него уже бывали подобные случаи, просто не переспросить было бы верхом неуважения к почтенному гостю. – Что ж… Конечно, моя вера осуждает подобные деяния… Но вам повезло – я из тех людей, которые не пренебрегают чужим счастьем. Теперь понятно, почему вас так смутил мой вопрос по поводу колец. Никто не должен знать…

– Колец? – Сервий Флавий перебил Валентина.

– Ну да…

– Ты – лекарь?

– Лекарь? – Валентин задумался, он уже давно не слышал этого слова в свой адрес, стоило ли признать себя таковым? После недолгого молчания он произнёс:

– Да. Я был им когда-то.

– А сейчас?

– Сейчас нет, а почему ты спрашиваешь?

– Я ищу лекаря.

– Ты нуждаешься в его услугах?

– Нет. Не я. Моя дочь…

– Она? – Валентин указал рукой на девушку, всё ещё держащуюся за руку торговца.

– Да. Её зовут Юлия…

– А что с ней?

– Она не видит ничего с… с самого рождения… По крайней мере, я так думаю…

– Думаешь?

«Он же её отец! Что происходит?» – Валентин задался в уме вопросом, на который не смог найти ответ.

– Понимаешь, она мне не родная дочь… Я нашёл её, когда она была ещё ребёнком, одну на дороге, и взял себе на воспитание, я был одинок и посчитал её даром богов… Я дал ей имя, дал ей кров… Но я не смог дать ей счастья видеть мир таким, каким видят его другие… Она расцвела, а я увядаю…

Мои дни скоро будут сочтены, и рядом с ней может не оказаться надёжной опоры в виде заботливого старца вроде меня… Поэтому я решил потратить все деньги, которые у меня есть на её исцеление… И именно поэтому я пришёл к тебе в надежде получить помощь лекаря. Но, если ты более этим не занимаешься, прости за беспокойство. Мы покинем твой дом, спасибо за оказанное гостеприимство…

Валентин слушал молча.

Торговец повернулся лицом к Юлии, помог ей развернуться и сказал:

– Пойдём Юлия, ступай прямо.

Что-то заставило Валентина вздрогнуть:

– Подождите!

«Слепа? Она слепа? Как такое может быть? Она ведь так прекрасна…» – Валентин смотрел на остановившихся у двери торговца и его, пусть и не родную, но всё-таки дочь.

– Я… Я помогу вам, – Валентин ещё не понимал, как именно он сумеет это сделать, поэтому добавил:

– Я попробую…

Лицо торговца засияло от нескрываемой радости:

– Благодарю, благодарю, мой друг…

Старик крепко сжал Валентина в по-отечески добрых объятиях.

– Ладно… Давайте посмотрим на больную, – Валентин улыбнулся торговцу, дождавшись пока тот ослабит хватку.

«А по её выражению лица и не подумаешь, что она очень

рада тому известию, что я согласен её лечить,» – подумал Валентин, взглянув на Юлию.

– Подойди к лекарю, дочь моя, – сказал Сервий Флавий. – Он в двух шагах от тебя, ступай прямо.

Юлия подошла к Валентину так близко, что на него накатило странное волнение, которое он никогда ещё не испытывал прежде. Глаза девушки по-прежнему были закрыты.

– Прошу тебя, не бойся. Я – лекарь и хочу тебе помочь. Открой, пожалуйста, глаза, – Валентин произнёс эту фразу настолько дрожащим голосом, что сам удивился такой необычной для него интонации.

– Я не могу, – последовал ответ девушки.

– Но иначе я не смогу тебе помочь. Мне необходимо взглянуть…

– Я их никогда не открываю.

– Я понимаю. Но тебе придётся это сделать, если ты хочешь…

– А ты и правда можешь мне помочь?

– Да… – в голосе Валентина чувствовалась нотка сомнения. – Конечно, могу… Я же лекарь….

– Я не хочу их открывать, лекарь. Я не могу…

– Валентин. Меня зовут Валентин.

– Хорошо, лекарь, я буду звать тебя по имени, если ты хочешь.

– Хочу… – произнёс очень тихо Валентин, потупив взгляд.

– А может, их не обязательно открывать? – торговец обратился к Валентину. – Ты не первый лекарь, у которого мы просим помощи. Каждый раз происходит одно и то же – она отказывается открыть глаза… – торговец взял Юлию за руку. – Не бойся, дочка, он хороший лекарь.

– Да… Твой отец прав… Не бойся… Возможно, ты воспринимаешь свой недуг как дар? Ведь ты не видишь лжи, обмана, клеветы, не видишь грязи, нищеты, коварства, скупости… – голос Валентина задрожал пуще прежнего, – но это не так… ведь есть в мире вещи, которые куда как прекрасней…

– Эти вещи, о которых ты говоришь… их необязательно видеть… и даже слышать необязательно… их надо чувствовать… А чувствуют их все… и слепые и зрячие… – робко заметила девушка и замолчала.

Валентин отчаянно думал, пытаясь найти выход из сложившейся ситуации: «Как я могу ей помочь, если она не хочет помочь себе сама? Что я могу для неё сделать? Я даже не знаю, что за болезнь вызвала её слепоту…»

Валентин собрался было сказать правду о том, что, к сожалению, не в силах ничего сделать, но его взгляд вновь задержался на девушке, и он вновь ощутил что-то странное, что-то наполняющее его какой-то потусторонней энергией, идущей откуда-то извне, проникающей глубоко внутрь его тела, к самому сердцу, заставляя его биться сильнее.

«Не будет ли правда для такой как она подобна смертель-

ному приговору? Что, если всё её нежелание помочь себе самой на самом деле всего лишь завеса над теми переживаниями, что гложут её изнутри? Я не могу так поступить… Она восхитительна… Она должна жить и верить… Верить в то, что она такая же как все… Что она имеет право быть счастливой. Она боится даже открыть свои невидящие глаза, а что, если она начнёт бояться жить? Я не могу этого допустить! Да простят меня боги, я знаю, что ей следует дать… Я дам ей надежду!»

И Валентин произнёс:

– Хорошо. Тогда поступим так. У меня в погребе есть капуста, её целебные свойства известны давно, и я, думаю, вы со мной согласитесь, лучше лекарственного средства просто не найти. Я вам дам один кочан. – Валентин посмотрел на девушку. – Юлия, ты должна будешь по нескольку раз в день прикладывать смоченный водой капустный лист к каждому глазу и держать его там до полного высыхания, затем делать перерыв и повторять процедуру. Когда кочан капусты закончится, приходите снова ко мне.

– Кочан капусты? – переспросил ошеломлённый торговец. – А ты уверен, что это поможет?

– Безусловно. Я сейчас его принесу, – Валентин скрылся за дверью, ведущей в погреб.

Через некоторое время он вернулся с кочаном капусты в руках:

– Вот, возьмите.

Валентин протянул капусту Сервию Флавию, и тот с благодарностью принял её.

– Благодарю тебя, Валентин… Не знаю, какому богу ты молишься, но пусть хранит он тебя от бед и несчастий, ибо ты – хороший человек.

«Хороший человек?» – думал Валентин, – «Ох, как много вы обо мне ещё не знаете…»

– И да хранят и вас боги, – вежливо ответил он.

– Сколько мы должны тебе за оказанную услугу?

– Столько, сколько ты сочтёшь нужным, – Валентин давно перестал слушать свою совесть – какие-то полгода могут запросто изменить человека, но всё-таки мысль о том, что это неправильно, его посетила.

– Этого должно хватить, – торговец протянул Валентину ладонь с двумя серебряными монетами.

– Благодарю, – ответил Валентин, забрав деньги из рук старика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.